

КОРОТКО О КНИГАХ

*

БОРИС КОСТЮКОВСКИЙ, СЕМЕН ТАБАЧНИКОВ. *Время не властно. Повесть о Дмитрии Курском.* М. Политиздат. 1989. 399 стр.

Как сообщает аннотация, авторы «около двадцати лет совместно работают над художественно-документальными произведениями о пламенных революционерах». Герой их новой книги Дмитрий Иванович Курский — «убежденный большевик, участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году, нарком юстиции РСФСР в первое десятилетие Советской власти, советский дипломат».

Судить о художественных достоинствах повести я не берусь. А вот называть ее документальной, полагаю, не стоило бы. Напротив, она примечательна именно как образец произвольного искажения или игнорирования общеизвестных фактов.

Курский в изображении авторов книги — правовец высокой квалификации, истинный гуманист, неутомимый защитник справедливости. А потому в книге нет никаких сведений ни о ревтрибунальских тройках, коим официально разрешалось вершить суд и расправу без оглядки на законы, ни о массовых и опять же официально разрешенных внесудебных расстрелах, ни о концлагерях, для отправки в которые довольно было «подозрения в сочувствии противнику», ни о сети лагерей принудительных работ — прообразе сталинского ГУЛАГа. А ведь ко всему этому нарком юстиции имел непосредственное отношение. Знаменитые декреты о трудовой повинности и борьбе с трудовым дезертирством авторы тоже обошли вниманием.

Поскольку запретных тем очень много, авторам постоянно приходится лавировать, дабы случайно не сказать лишнего. А на этом пути конфуза не избежать. Возьмем так называемый процесс правых эсеров в 1922 году. Ранее амнистированные эсеры после ряда провокаций НКВД были арестованы по заведомо вздорным обвинениям. Фальшивка была настолько явной и грубой, что в защиту обвиняемых выступили зарубежные социалисты и коммунисты, поддержанные Горьким, Анатодем Франсом и другими писателями и журналистами. Эти факты сегодня общеизвестны. О чем же мы узнаем от авторов? «Все шло, как полагается по закону», — пишут Б. Костюковский и С. Табачников. Члены ЦК партии эсеров и ее наиболее активные боевики, сообщают авторы, были осуждены на смерть, но Президиум ВЦИК приостановил действие приговора. «Так весь мир узнал о высокой нравственной силе и гуманности советского правосудия». Да, казнь действительно не состоялась, но мир узнал вовсе не о гуманности советского правосудия. Читателю «забыли» поведать одну весьма существенную подробность: осужденные оказались заложниками, ответственными за действия эсеров-эмигрантов. Об этом прямо сказано в постановлении Президиума

ВЦИК, согласно которому смертники должны были ожидать возможной казни, оставаясь в «строгом заключении». Причем было их не шесть, как утверждают авторы повести (перепутав к тому же фамилии), а двенадцать.

Можно привести немало примеров, свидетельствующих о пренебрежении авторов книги к исторической правде. Вот страницы, имеющие отношение к А. М. Горькому, с которым Курский встречался во время дипломатической службы в Италии. Если верить книге, Горький в ту пору жил на Капри, а вилла его называлась «Сорризо». В действительности же он жил в Сорренто, а вилла называлась «Соррито» (Il Sorrito). Озадачит читателя и рассказ о встрече Горького с пассажирами теплохода «Абхазия» — ударниками, премированными «за хорошую работу путешествием вокруг Европы». Оказывается, встречу с Горьким «участники круиза поставили первым условием своего пребывания в Италии». Поскольку это сообщение никак не комментируется, можно лишь гадать, кому было поставлено в 1930 году такое условие: Муссолини, самому Горькому или, может быть, Советскому правительству? Одна совсем уж мелкая, но забавная подробность: беседа с туристами, Горький «вскидывал непослушную шевелюру, то и дело спадавшую ему на лоб». Когда успел отрастить? На фотографиях 1930 года шевелюры нет...

Д. Фельдман.

*

ВОСПОМИНАНИЯ О ПАВЛЕ ВАСИЛЬЕВЕ. Алма-Ата, «Жазушы». 1989. 302 стр.

«Полюни сноп, степное юдо, полуказак, полукентавр» — так писал в 1932 году Николай Клюев о Павле Васильеве... Эти взрывчато ослепительные слова остаются в памяти. Вот почему книгу, где собраны воспоминания о П. Васильеве, открываешь с опаской: удалось ли их авторам поведать о многогранности и кричащих противоречиях личности поэта, о его трагических взаимоотношениях с эпохой, в конце концов приведших к его физическому уничтожению?

В предисловии говорится: «Задача книги — с возможной полнотой и объективностью раскрыть образ большого и сложного художника». Составители сборника, не одно десятилетие занимающиеся библиографическими разысканиями о П. Васильеве, сделали для решения этой задачи все, что было в их силах. Они отыскиали людей, знавших П. Васильева в детстве и ранней юности, побудив их либо написать о поэте, либо рассказать о нем (перенеся затем эти рассказы на бумагу). Большая часть этих воспоминаний, публикуемых впервые, содержит факты, которые, без сомнения, станут составной частью будущей научной биографии поэта.

Важно, что вошедшие в сборник воспоминания, — это очевидно, — не подвергались постороннему вмешательству, так сказать, «цензуре нравов» — и потому на них, как правило, нет «хрестоматийного глянца». И родственники, и близкие П. Васильева, и многие из его друзей и знакомых не умалчивают о тех особенностях характера поэта, которые не раз приводили его к конфликтам с окружающими людьми и с властью предрежущими.

Так, в открывающих сборник воспоминаниях В. Васильева, родного брата поэта, читаем: «Павел унаследовал от отца упрямство, решительность, необычайную силу характера и... частицу грубости и эгоизма». Его первая жена, Г. Анучина, пишет: «Павел был человеком больших чувств и страстей. В нем всегда жили два человека: один хороший, другой — плохой. Он сам мне писал в одном из писем: „Галина, верь мне хорошему и не верь плохому“». Наиболее отчетливо высказался в этом плане поэт М. Скуратов:

«Если б я стал писать о Павле Васильеве всю правду-матку, меня могли бы упрекнуть в клевете на славного русского советского поэта. А он был полон противоречий, в нем ущемались добро и зло, и бог знает что!.. «Человек он был!..» — говоря словами Шекспира... он таил в себе уму непостижимые бездны, почти по Достоевскому, которого он любил и отлично знал и понимал... Он был лучше, чем о нем пишут! Живее! При всех своих грехопадениях. А грехопадения были!..»

И все же после знакомства с книгой в целом складывается впечатление, что полноценное художественное воплощение яркой, противоречивой и трагической личности Павла Васильева по плечу не мемуаристам, но биографу-романисту такого же, как у его героя, масштаба дарования. Впрочем, здесь уже идет речь об общих проблемах мемуаристики...

Нельзя обойти молчанием высокопрофессиональную источниковедческую оснащенность книги — такое редко встретишь и в изданиях подобного типа... Послесловие С. Черных и Г. Тюрина «Павел Васильев (К биографии поэта)» содержит множество новых и малоизвестных биографических сведений о семье поэта, его детских и юношеских годах (начиная с уточнения его даты рождения), которые, по существу, вводятся в широкий научный оборот впервые.

В источниковедческом плане хотелось бы сделать лишь два небольших уточнения. Стихотворение П. Васильева «Баллада о Джоне» названо в комментариях неопубликованным; этим мотивировано воспроизведение его полного текста. Между тем оно уже появилось в печати годом раньше — в книге П. Васильева «Верю в неслыханное счастье» (М. «Молодая гвардия». 1988). В послесловии цитируются «Стихи в честь Павла Васильева» М. Голодного со ссылкой на архивный источник (ЦГАЛИ). Однако М. Голодный при жизни П. Васильева публиковал это стихотворение дважды.

Отметим в заключение, что более чем скромный тираж рецензируемой книги (семь тысяч экземпляров) никак не соответствует значимости ее содержания.

С. Субботин.

✱

АЛЕКСАНДР ЗОРИН. Вверх по водопаду. Книга стихотворений. М. «Современник». 1988. 127 стр.

АЛЕКСАНДР ЗОРИН. Гнездо. Стихи. М. «Советский писатель». 1989. 160 стр.

У Александра Зорина, не слишком избалованного публикациями, вышли две поэтические книги. Названия их почти взаимоисключающие. «Гнездо» — знак дома, покоя, укорененности. «Вверх по водопаду» — движение, преодоление, напряженный путь. Противоречия здесь нет — таков этот необычный лирический характер, цельный и мятущийся, близкий к судьбе то «столпника», то «путника». С этим вот слиянием крайностей связаны и два ведущих символа зоринской лирики: дом с чадами и домочадцами и звезда, выскокая и одинокая. Поэт мечтает: «И если не выдохнусь, выстрою дом под аркой закатного неба», — но как бы ни крепок был дом — высь вырвет его из теней уюта

В свинцовый столб воды.
И — силясь тьмы громаду
рассечь, на зов звезды —
вверх, вверх по водопаду.

Александр Зорин — поэт очень современный и безжалостный. Он не боится писать страшный быт, «идя на свет сквозь мерзость запустенья». Предметом поэтического постижения становится и клиника для умиленных, и тесная общая кухня, и дом престарелых, и бог знает что еще. Вырисовывая неприкрашенный быт, бьющий человека «костоломною кувалдой», Александр Зорин никогда не смакует его, а лишь напоминает нам:

Но смертный да не смеет
в унынье забывать:
где злора матерееет,
там крепнет благодать,
внушая благодарность
к Тому, Кто нам велит
принять как знак, как данность,
что мир во зле лежит.

Принять как данность, но и преодолеть внутренне, высветлить лучами добра. Злу противостоит смирение (но только, как подчеркнет Зорин, не «насильственное смирение»), сострадание к ближнему, «жажда чуда, преданности, лада». Как сказано об одном из героев зоринской лирики, «в нем, в отчаявшемся, вера родилась, превозмогая тлен». Вера дает ему силы во всей трагической зыбкости, многокрасочности, изломанности бытия сохранить четкость и определенность основ: «Здесь только два пути: с Иродом или с волхвами».

В книгах Зорина звучит исповедь души глубокой, живой. Земной материал, преобладающий в этой религиозно одушевленной лирике, формирует не только излюбленные темы автора, но и его поэтику. Письмо А. Зорина отличается извилистостью — с резкими, но пластичными переносами, инверсиями, скачками — равный дыханию синтаксис...

В стихотворении «По дороге в церковь» («Попутчица») сливаются две выстраданные поэтом темы — судьба России, прелом-